

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

В. В. Решетов

ОБ ОДНОМ УЗБЕКСКОМ ПАДЕЖЕ

Современный письменный узбекский язык в системе именного словоизменения выделяет: 1) определительный падеж (*қаратқичи келимиги*): *колхознинг пахтаси*¹ 'хлопок колхоза', *отамнинг китоблари* 'книги моего отца', и 2) винительный падеж (*тушум келимиги*): *пахтасини тердим* 'я собирал его хлопок', *китобларини олдим* 'я взял его книги'².

Но если взглянуть на определительный падеж с точки зрения принадлежности его к той или иной диалектной группе, то оказывается, что он в качестве самостоятельного (статистически преобладающего) обнаруживается в говорах, не играющих существенной роли в нормализации узбекского литературного языка.³ И, наоборот, говоры ташкентского и ферганского типов, положенные в основу общеузбекского стандарта, не проводят различий между формальными показателями этих падежей. В сознании представителей указанных групп говоров существует сложный по своим функциям определительно-винительный падеж, с единым внешним признаком, семантика которого вскрывается его позицией в предложении, ср., например, *ашиз мўздас*⁴ 'вкус плова' (определит. пад.) и *ашиз йедэм* 'ел плов' (винит. пад.)⁵.

Однако эта морфологическая черта не может и не должна рассматриваться как исключительная принадлежность городских (ведущих в совре-

¹ Здесь сохраняем действующую узбекскую орфографию; далее она дана с пометой: лит.-орф. (литературно-орфографическое).

² А. К. Боровков, А. Гуломов, З. Магروف. Узбек тили грамматикаси, I китм. Тошкент, 1945, стр. 43; В. Решетов. Современный узбекский язык, ч. 1. Ташкент, 1946, стр. 25—28; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 46, 53.

³ В некоторых йекающих говорах с сингармонистическим укладом гласных, а главным образом в джекающих — кыпчакских (о джекающих и йекающих говорах см.: А. К. Боровков. Новый узбекский алфавит. Литература и искусство Узбекистана, кн. III, Ташкент, 1940).

⁴ Здесь и далее дается транскрипция, применяемая нами при записи особенностей узбекских говоров (В. В. Решетов. К вопросу о транскрипции. Ученые записки ТашГПИ. Вып. 1, Ташкент, 1947, стр. 59—69).

⁵ Этот вопрос особо не акцентирован в обстоятельной работе А. Г. Гулмова об узбекских падежах (А. Гуломов. Узбек тилида келишиклар. УзФАН СССР асарлари. Ташкент, 1941). Попутно он затрагивался в работах по узбекской диалектологии; см. также: В. В. Решетов. Современный узбекский язык, стр. 30.

менной эволюции узбекского языка) говоров: процесс конвергации *-ниш-ни* в аффиксе *-нз* (герср. *ныш-ны-нз*) прослеживается и в прочих диалектных коллективах узбекского языка, в том числе и в джекающем (кыпчакском) наречии.

Здесь под влиянием городской речи и взаимно переплетающихся элементов скрещивания происходит непрерывная нивелировка языковых показателей: отдельные группы говоров утрачивают характерные диалектные признаки и приобретают новые в процессе становления общенационального узбекского языка.¹ Результат сложной ситуации метисованных факторов и общая тенденция развития языка как раз и приводят к появлению черт, сближающих морфологические системы йекающих и джекающих говоров. Частным случаем и является зарождающаяся формация определительно-винительного падежа: в них характеристика одного и того же падежа (именно винительного), как и в городских говорах, начинает выполнять функцию двух падежей — определительного и винительного, совмещая в себе их семантическую нагрузку. Так возникают дублетные конструкции типа: *қожайынды* (< *қожайынды*) *қызыға* 'дочери хозяина', *таьды* (< *таьды*) *суғу* 'вода гор (горная вода)', *атты* (< *аттын*) *башыға урма* 'не бей по голове лошади', *бизди тейирмәнзә чығарып қойды* 'нас отправил на мельницу', *бизди бийдәй* (< *бөдәй*) 'наша пшеница'. В последних двух примерах слово *бизди* выполняет функцию и винительного и определительного падежей, причем в словосочетании *бизди бийдәй* обнаруживается эллипс местоименно-притяжательного аффикса — *бийдәй* < *бийдәйимиз*.

Сейчас пока трудно говорить, ввиду состояния нашего материала, о частоте употребления формы определительно-винительного падежа по говорам джекающего наречия, но имеющиеся данные свидетельствуют о развитии языка именно в этом направлении. Наличие же значительного количества дублетных форм по отдельным джекающим говорам, в частности ташкентской группы, оказывается достаточным для подтверждения нового морфологического факта в системе их склонения. Звуковая характеристика этого падежа совпадает с ферганским чередованием *-нз -дз -тз* в определительно-винительном падеже, например, маргеланский² *аттз башз* 'голова лошади', *таьдз барз* 'листья тальника', *баьднз қолз* 'рука ребенка', — в отличие от ташкентского типа, где при медленном темпе речи после всех основ аффикс имеет форму *-нз* (*атнз кордэм* 'я видел лошадь', *қағдәнз атдсәнз аьдсз аьдз* 'бумагу взял старший брат его отпа'), а при быстрой фонации осуществляется прямая ассимиляция аффиксального *-н* исходному согласному основы: *ид(х')дрпз* < *ид(х')дрнз* — 'город ~

¹ Ср. утрату джеканья в начальной позиции говорами Хорезмской области (Говор кишлака Кыят-конгат Шоватского района. Сб. научных трудов, т. I, вып. 2, Ташкент, 1984, стр. 3—17) и полное освоение оканья казак-найманским говором (Известия АН СССР, 1931, № 1, Л., стр. 93—111).

² В. В. Решетов. Некоторые замечания по консонантизму и морфологии маргеланского говора узбекского языка. Известия УзФАН СССР, 1941, № 4, Ташкент, стр. 26.

города', *қабайээз* < *қабайэз* 'бумагу ~ бумаги', *обуэмме* < *обуэмнэ* 'моего сына', *аттэ* < *атнэ* 'лошадь ~ лошади' и т. п. Эта характерная ташкентская черта только спорадически встречается в джекающих говорах.

В оформлении данного падежа в них выступают те же фонетические варианты, что и при их винительном падеже, а именно: *-ни* (*-ди*) *-ти* — после передних основ, — *-ны* (*-ды*) *-ты* — после задних основ, например: *жерди соқам(ы)нан айдадыж* 'мы землю вспахали плугом', *жерди кичү йоқ* (здесь *ж* > *й* после исходного гласного) 'земля не имеет силы', *пақтаны "египжайтыр"*¹ 'он сеет хлопок', *пақтаны үлдіши* 'цветение хлопка', *жарды башы* 'начало оврага', *қатынны "енәси* 'мать жены', *қатынны чағырды* 'позвал жену', *сийирди "емгани* 'вымя коровы', *судды ишидә* 'в воде', *судды ишти* 'выпил воду', *қолунны жаман кесди* 'сильно порежет руку', *насвәй ишәнди бер* 'дай свою табакерку', *насвәйди мәдәси жоқ* 'табак („насвай“) плохой (досл.: без вкуса)', *мен ишердә сийирларди бағыт отурман* 'я здесь насу коров', *у (би)рағды зыйаныны қаламайды* 'он не желает кому-нибудь вреда'.

Следовательно, определительно-винительный падеж, являющийся речевой нормой для городской диалектной базы, получил значительное распространение даже в консервативных в языковом отношении говорах, что свидетельствует о прогрессивном характере его, а расширяющийся диапазон употребления обращает на себя особое внимание. Этот критерий и должен быть положен в основу суждений при решении судьбы указанных падежей. Только на базе синтаксиса мы сможем вскрыть семантические особенности каждого падежа в отдельности и выявить перспективы их дальнейшего развития, независимо от их формальных показателей.

Да дело, собственно, и не в звуковой характеристике и не в разнообразии фонетических вариантов по говорам, а в том, что установление для письменного узбекского языка определительного падежа с аффиксом *-нини* (лит.-орф.) как принципиально отличного от винительного с формантом *-ни* не имеет под собою реальной почвы, поскольку не подтверждается материалами ведущих узбекских говоров. В них, как известно, формальные признаки данных падежей совпали, но каждый из них сохраняет свои специфические особенности в предложении: определительный в качестве определения (*атнэ башэ* 'голова лошади'), винительный в позиции дополнения (*атнэ короғм* 'видел лошадь').

Мы не будем останавливаться на выявлении всех функций аффиксального ~ безаффиксального определительно-винительного падежа в ведущих узбекских говорах (следовательно, и в литературном узбекском языке), так как такое изложение значительно отвлекло бы нас от цели, а напомним, что:

¹ Сила дифтонгизации здесь проявляется в такой же степени, как и в каракалпакском языке, см.: С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. Каракалпакия, т. II, Л., 1934, стр. 200—207.

1) употребление безаффиксального определительно-винительного падежа в атрибутивной функции возможно лишь при строгом соблюдении синтаксической позиции определения непосредственно перед определяемым; последнее сопровождается местоименно-притяжательным аффиксом, ибо этот падеж, в основном, в изоляции не употребляется, ср., например, *қишлоқ саветъ* 'сельский (кышпачный) совет', *пахта далавларъ* 'хлопковые поля';¹

2) при включении новых определений к тому же определяемому требуется уже форма аффиксального падежа: *бу қишлоқ саветъ* 'совет этого кышлака'; присутствие здесь указательного местоимения *бу* не должно расцениваться как основной критерий прецизированной концепции предмета, — на нее указывает самый факт употребления аффиксального падежа; употребление *бу* с безаффиксальной формой возможно только в случае, когда комплекс безаффиксального падежа выступает в роли сказуемого: *бу — қишлоқ саветъ* 'это — сельский (кышпачный) совет', *бу — пахта далавларъ* 'это — хлопковые поля'; невольно напрашивается параллель с русским родительным падежом в позиции сказуемого: 'этот хлопок колхоза', который не находит себе эквивалента в узбекском определительно-винительном падеже, а переводится особой формой с аффиксом *нгкк*: *бу пахта — калавларынгкк*;

3) определительно-винительный падеж служит и для выражения объекта действия — дополнения; момент прецизации также обусловлен наличием или отсутствием аффикса; конструкция безаффиксального падежа тяготеет к сказуемому и зависит от него;² при этом внимание обращается на дополнение, особо не выделяя его из данной категории предметов; положение же в непосредственной (за рядом исключений) позиционной смежности со сказуемым является наиболее характерной его синтаксической чертой.

Сказанное схематично можно представить следующим образом:

1) именная основа в определительно-винительном (аффиксальном ~ безаффиксальном) падеже + именная основа с местоименно-притяжательным аффиксом, выполняющим, в данном случае, свою основную определительно-притяжательную функцию:

а) примеры на аффиксальную форму: *қишлоқ саветънг секретаръ озънг виъ тобръсда далад қилдъ* 'секретарь сельского совета сделал доклад о своей работе', *атамънг йахши мълтъръ баръ* 'у моего отца имеется хорошее ружье', *калавларынг тракторларъ далад* 'тракторы колхоза — в поле', *ун йахши ктабларъ кот* 'у него много хороших книг', *атамънг ергънг виъ жулд аъгр* 'работа мужа моей старшей сестры очень тяжелая';

б) примеры на безаффиксальную форму: *мактаб балавларъ пахтада* 'школьники на хлопке (на сборе хлопка)', *сыз халкъ мақаллариди билдизми?* 'знаете ли вы народные пословицы?', *у йада калавларынг*

¹ Здесь обнаруживается односторонняя связь типа управления, см.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945, стр. 77.

² И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 67.

lárzódá zimlódá 'он летом работал на колхозных полях', *тоқайъ гчэддә ордан бәр* 'в камышах есть утки';

2) именная основа в определительно-винительном (аффиксальном ~ безаффиксальном) падеже + сказуемое:¹

а) примеры на аффиксальную форму: *сэз бу зимъ қачдм тдмдм қзлмсэз?* 'когда вы закончите эту работу?', *у қзэзқ-қзэзқ ертдмдмрмъ бэладэ* 'он знает очень интересные сказки' *бэрымъ чдпзқмъ ертддә турд-тдмзэ* 'первую окучку закончим завтра', *сэмъ гккз кунддм берэ гзлдмдмн* 'уже два дня я ищу тебя', *мен дкдмнъ кормддэм* 'я не видел твоего старшего брата';

б) примеры на безаффиксальную форму: *у сдмдвдрддә чдй гчмъ* 'он в чайхане (в чайной) пил чай', *бэзэм ндхтд тердзк* 'мы тоже хлопок собирали', *бу кдлхдзчэ қзэзк бэр хкдддә дйтэб бердэ* 'этот колхозник рассказал интересный рассказ', *мен хдт длдэм* 'я получил письмо'.

Заметим, что в целом ряде случаев при равенстве позиционных условий семантические грани между аффиксальным и безаффиксальным определительно-винительным падежом в качестве дополнения заметно стираются, ср., например, *бэр кэтдб оқздэм* ~ *бэр кэтдбмъ оқздэм* 'я читал одну (некую) книгу', где смысловой оттенок едва ощутим и не без труда может быть сформулирован.

По пункту «1, б» могут возникнуть вполне справедливые замечания:

1) в качестве определения может выступать и основной падеж, 2) положение его в предложении синтаксически тоже обусловлено, ср., например, *тдш уй* 'каменный дом', *темэр йол* 'железная дорога', *йдгач қдшзқ* 'деревянная ложка', *тэллә сддт* 'золотые часы' и т. п.²

Но здесь нужно учесть, 1) что употребление основного падежа в качестве определения значительно уже, чем в случае пункта «1, б», и 2) что определяемое им слово не принимает местоименно-притяжательного аффикса. Этим оказывается нарушенной внешняя формальная связь между элементами словосочетания: именная основа + именная основа. При этом выявляются дав типа словосочетаний в основном падеже: 1) социативные — *дтд-дндә* 'родители', *дкд-укдә* 'братья', и 2) атрибутивные, источник которых заложен в определительной функции данного падежа. Не лишены интереса новообразования: *нандзавдт* < *ндн завддэ* 'хлебозавод', *ндхтдзавдт* < *ндхтд завддэ* 'хлопко(очистительный) завод', *мдйзавдт* < *мдй завддэ* 'масло(бойный) завод' и т. п. В построении их сказывается принцип социативных рядов, но с иной, уже синтаксической нагрузкой составляющих элементов (определение + определяемое), дающих в сумме тип сложного слова.³ Причины зарождения таких образований, по существу промежуточ-

¹ О функциях винительного падежа см.: Х. К. Камилова. О винительном падеже в узбекском языке. Ученые записки ТашГПИ, вып. 1, Ташкент, 1947, стр. 52—58.

² Все эти примеры построены по типу примыкания, причем примыкающее слово является определением, см.: И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 67.

³ Там же, стр. 27, 67 (об инкорпорировании). Ср., между прочим, композицию, как, например: *мдлгднә* 'хлев', *дтхднә* 'конюшня'.

ных между словосочетанием и словом, следует искать в самой морфологической системе языка и в наличии ряда приводящих факторов.

Однако эллипс местоименно-притяжательного аффикса и аффикса определительно-винительного падежа наблюдается очень часто, — примеры могут быть приведены из любого ведущего говора, в том числе и из литературного языка. Но мы не будем останавливаться на разборе всех случаев и на выявлении генезиса их — это предмет особого исследования,¹ а приведем один пример из литературного узбекского языка, свидетельствующий о наличии дублетных (сосуществующих) конструкций, в частности: лит.-орф. *отамнинг ёзган хати* ~ *отам томонидан ёзилган хат* ~ *отам ёзган хат* 'письмо, написанное моим отцом' ~ букв. 'письмо, написанное со стороны моего отца' ~ 'письмо, которое написал мой отец'. При относительно общем смысловом значении мы находим в первом случае — оба аффикса (и падежный и притяжательный), во втором — наличие определительного падежа подсказывается послелогом *томонидан*, а в третьем — обнаруживается уже полное исчезновение их.²

Затрагивая вопрос об эллипсе местоименно-притяжательного аффикса 3-го л., нельзя не упомянуть об аналогичном явлении и в других грамматических лицах, а именно: в 1-м л. ед. ч., ср., например, лит.-орф. — *бизнинг қишлоқ* 'наш кышлак', *бизнинг боғда* 'в нашем саду' || ташк. *бизъ бағда дарах(т)лаи кон* 'в нашем саду деревьев много'; в джекающих говорах эллипс прослеживается в 1-м и 2-м л. мн. ч. — *бизди бийдай* 'наша пшеница', *сизди бийдай* (< *боғдай*) 'ваша пшеница', но в 1-м и 2-м л. ед. ч. не наблюдается.

В этих и им подобных случаях едва ли есть основания усматривать всего лишь общую тенденцию к простоте ~ краткости. Факты языка наталкивают нас на ряд противоречивых исключений даже в кругу затронутого нами грамматического явления: в живых узбекских говорах, вошедших существенными слагаемыми в основу устного и письменного койнэ, мы встречаем двойное наращение местоименно-притяжательного аффикса в таких выражениях, как: *оз анә тәлгәзәң* (= *тәл + з + сә + нә*) *бәлмәйдә* (< *бәлмәйдә*) 'он не знает своего родного языка', *пешанә тергәзәң* (= *тер + з + сә + нә*) *аңгәзи гиһәйдә* 'он работает в поте лица', *бәргәңчә йәргәзәңдә* (= *йәргә + з + сә + дә*) *пул бердә* 'он выдал деньги за первую половину', *жкәвәсә* (= *жкәв + з + сә*) *келдә* 'двое (из них) пришли', *әлтәвәсә* (= *әлтәв + з + сә*) *иһзрдә* 'шестеро (из них) говорили'. Дальнейшая модификация приводит к фонетическим упрощениям по линии: *жкәвәсә* > *жкәв(з)сә* > *жкәвсә*, *әлтәвәсә* > *әлтәв(з)сә* > *әлтәвсә* или к появлению

¹ См. интересные изыскания О. П. Суника (О possessивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-манчжурских языках. Язык и мышление, т. XI, Л., 1948, стр. 283—291).

² Ср. еще лит.-орф. — *Тошкент шаҳар* ~ *Тошкент шаҳари* 'город Ташкент', *Моша қишлоқ* ~ *Моша қишлоғи* 'село (кышлак) Маша', или с глаголом *де* — *ташкән дегән шаһар* 'город Ташкент (букв. 'город, называемый Ташкент')', *Маша дегән қишлоқ* — 'село (кышлак) Маша' (букв. 'село, называемое Маша'), строящиеся по схеме: собственное имя + *деган* + имя с родовым значением.

губного гласного верхнего подъема (т. е. $\bar{z} > y$) в исходной форме — *зкйъзъ* *уъзъ*, *аьтйъзъ*, что легко объяснимо действием губно-губного \bar{z} .

Мы еще не имеем достаточных оснований утверждать, что обнаруживаем здесь новую морфологическую формацию, но сами факты свидетельствуют о сложной грамматической эволюции языка. Проследить ее можно, опираясь на материалы говоров.

Наиболее характерными среди них оказываются данные ташкентского говора. В нем мы находим в 1-м л. мн. ч. следующие формы: *аьтуз* (*аьтузй*) || лит.-орф. *отимиз* 'наше имя', 'наша лошадь', *бъруз* || лит.-орф. *биримиз* 'один из нас', *бйльйъз* || лит.-орф. *боламиз* 'наш ребенок', *х'аммйъз* || лит.-орф. *х'аммамиз* 'мы все',¹ а во 2-м л. того же числа: *аьтз* || лит.-орф., *отиниз* 'ваше имя', 'ваша лошадь', *бърз* || лит.-орф. *бириниз* 'один из вас', *бйльйъз* || лит.-орф. *боланиз* 'вап ребенок', *х'аммйъз* || лит.-орф. *хамманиз* 'вы все'. Среди приведенных примеров особо обращает на себя внимание морфологическое использование гласных верхнего подъема ($\bar{z} \sim y$) при семантической дифференциации слов по лицам: *аьтуз* и *аьтз*, *бъруз* и *бърз*.² Анализ данных форм может подвести нас к более реальной истории возникновения их и, в известной степени, объяснить границы потенциального эллипса местоименно-притяжательных аффиксов, прослеживаемого в настоящее время во всех узбекских говорах.

При решении вопроса об атрибутивных словосочетаниях, в связи с утратой местоименно-притяжательного аффикса и учитывая синтаксические функции основного и определительно-винительного падежа, необходимо принимать во внимание и влияние других языков: 1) русского и 2) таджикского.

Конструкции типа *наьнзйъаьт*, *наьхтйъзйъаьт* и т. п. находят себе поддержку в русском эквивалентном ряду — 'хлебозавод, хлопкозавод' или в более старых лексических заимствованиях вроде — *аьбжуъаьз* 'водяная крупорушка', *мййжуъаьз* 'маслобойня (кустарная)' и т. п.

Сейчас мы пока еще не говорим об отдельных, переходного характера комплексах, но будущее, поскольку можно базироваться на фактах современности, принадлежит, несомненно, кратким безаффиксальным образованиям. Доказательством тому служит непрерывно расширяющийся круг применения определительных словосочетаний и сложно-сокращенных слов в узбекском языке.

¹ Ср. ташк. глагольные формы с аналогичным аффиксом: *бйрйъзъ > бйрйъз* 'мы пойдем', *бйрсйъзъ > бйрсйъз > бйрсйъза* 'если мы пойдем'; в форме же прошедшего определенного сохраняется аффиксальное -м: *бйрйъзмъ*, ср. другие варианты: *бйрдук* ($> дук$) или *бйрду*: (т. е. с исходным долгим гласным вторичной формации) наряду с *бйрдузй*, где обнаруживается чередование \bar{z}/\bar{y} в аффиксе, что подтверждает более древнее происхождение формы с показателем \bar{z} в аффиксе -*димиз* $>$ -*дузй*, в отличие от -*дук* $>$ -*ду* (см.: С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. ЗКВ, т. III. вып. 2, 1928, стр. 223—224).

² Здесь исходный согласный \bar{z} следует рассматривать как рудимент показателя мн. числа (А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад, 1947, стр. 4, 22; там же приведена и литература вопроса).

Таким образом, анализ фактического материала убеждает нас в том, что тенденция закрепить в именном словоизменении аффикс *-нинг* (в качестве показателя определительного падежа) не имеет под собою доказующей силы, кроме, пожалуй, сугубо формалистических доводов. И, несомненно, жизнь окажется сильнее их, а речь основного организующего узбекского ядра (одного опорного говора из суммы ведущих) займет надлежащее ей место в нормализации письменного стандарта, поскольку именно на его основе создается национальная языковая норма. То, что является общеупотребительным в устах передовой части узбекского нацколлектива, то и должно составлять норму языка, входить в актив его грамматических категорий. Это относится и к определительно-винительному падежу как форме, наиболее реально отражающей общественную обусловленность языка и подкрепляемой самым надежным источником — особенностями ведущих городских узбекских говоров, положенных в основу устного и письменного вариантов литературного языка.
